

ИЗБА АКУЛИНЫ

Изба-хатенка постройки военной поры в селе Петровском Лискинского района — реальный памятник женской доле.

Война — дело не женское. Но не разминешься с нею, проклятою, когда ломится она к тебе — в твою страну, в село твое, в твой дом — грохочущими танковыми клиньями, сминая на своем пути все живое.

Танковые порядки немцев уперлись в Дон под Щучьим, подмяв соседнее Петровское, в июле 1942 года. И стало это село на целых полгода не просто прифронтной полосой, а укреп-районом немцев и мадьяр перед Щученским плацдармом. На блиндажи и накаты землянок оккупанты разоряли хуторские хаты. Петровцев, кого не успели принудительно отселить в острогожские концлагеря, выгоняли в погребя и в наспех вырытые в огородах и садах ямы-землянки. А из жителей-то — женщины с детишками да старики немощные, мужики все на фронте воюют.

Фронтом Акулины Шумаевой и ее односельчанок стало родное село и собственное подворье, некогда обустроенное и обжитое. Страшным был тот фронт, хоть и не обозначался на полевых картах ни синими, ни красными каранда-

шами. Да и как обозначишь на бумаге карт хуторские норы-ямы с гнилой соломенной подстилкой да инеем на стенах, где задыхались в тифозном бреду детишки малые, прячущиеся от оккупантов? Или фашистского солдата, который с хохотом, шутки ради, бросает через плетень в ту яму гранату на длинной рукоятке?

14 января 1943 года шквальным огнем со Щученского плацдарма началась Острогожско-Россошанская наступательная операция. Снаряды «катюш» и дальнбойной артиллерии вместе с кошками мерзлой земли и телами вражескими взметали в небо и их редуты, укрепленные бревнами сельских хатенок. Укатился фронт за Острогожск и дальше — к Курску и Харькову. И саперы наступавших частей наших, наспех сделали проходы в минных полях вокруг села. И по тем страшным ходам-коридорам потянулись из эвакуации к родимым очагам сельские беженцы. А села будто и не было: вместо хат вдоль улиц — лишь трубы печные, кресты журавлей колодезных да воронье на пепелищах. В несколько уцелевших хат набивались до полусотни человек — жить-то нужно где-то. И стали поднимать жизнь в Петровском всем бабьим миром.

По весне собирали окрест и закапывали в землю вытаявшие трупы солдат — своих и чужих. А из земли истерзанной, из дзотов, траншей и блиндажей уцелевших доставали бревна родимых хат, возвращая их с войны на расстрелянные пепелища. А сложить их в срубы — где гвозди взять? И стали бабы петровские собирать на плацдарме гильзы да пули, чтобы вместо гвоздей их вколачивать. Хлеба не было — желудями кормились. И в узелках несли к родным пепелищам вместе с желудями смертное железо войны, превращая его в железо созидательное. И вели ангелы Божьи тяжкую долю ту женскую меж проволок вражьих мин к воскресающей жизни.

Дошла очередь и Акулине избу ладить. Как могли, сколотили женщины хатенку на прежнем подворье. В цент-

ре избы печку неказистую сложили, чтоб все углы теплом питать могла. Глину с соломой ногами месили — стены мазать. А вместо гвоздей и дранки — гильзы латунные и пули в стены вколачивали, чтоб глину держали. Словно выбитые зубы войны, вросли они намертво в бревна хат сельских, жизнью смерть поправши. И мужиков, хозяев своих долгожданных, стали ожидать с войны те хаты вместе с женщинами-солдатками.

Только не всех мужиков дождались-дозвались петровские хаты, бабьей долею горькою сложенные-вымученные. Многие из них, как и партизанивший муж Акулины Шумаевой, вечно смотрят теперь на очаги свои домашние, железом войны схваченные, глазами гранитных барельефов с памятника, что стоит через дорогу от хаты Акулины.

Временем заслонилось от нас лихолетье военное. За эти годы отряхнулось, обновилось село Петровское. О жестокой войне только и напоминают теперь памятник односельчанам павшим да вот эта хромоногая, вросшая в землю, но все еще не упавшая от тяжести времени избушка Акулины, доковылявшая до нас из горького 1943-го. Давно нет уже ни самой Акулины, ни товарок-односельчанок ее, ставивших этот очаг жизни меж черных воронок войны. А неказистая хатенка стоит в центре села, аккурат через три дома от сельсовета и сельского клуба, принаряженного в современный сайдинг. Обвалилась со стен ее глина «военного» замеса, обнажив гильзы и пули, впившиеся в бревна-ребра. И словно стыдясь своей наготы и ветхости, прикрылась избенка крапивою да диким хмелем, будто нищенка, никому не нужная ныне.

Трогаю еще теплые стены-бока, и падает на ладонь пуля винтовочная, женскими руками повернутая от смерти к жизни. Успел ли достать кого этот жальщий свинец войны, подобранный на поле плацдарма, прежде чем упокоиться в бревнах избы Акулины? Впрочем, так ли важно теперь знать это? Может, важнее, как вот эти ребята, лискинские

тележурналисты, заснять эту избенку калечную, без единого гвоздя руками солдаток сложенную, чтобы фильмом своим о ней сказать: память наша — она не только в отблесках Вечного огня и в пронзающей сердце огранке гранитныхobelisks. Поклонитесь, люди, этой избушке с пулями в стенах и горькой доле женщин, правивших свои очаги, поклонитесь! Ведь и не изба это вовсе, а памятник Жизни, победившей смерть. А пока же я бью поклон тебе, изба Акулины, своими словами благодарности:

Стена избы. В ней — пули с гильзами,
А по наличникам — резьба...
Не с баловством и не с капризами
Та Акулинина изба.
Она пришла из сорок третьего
Войны окошную родней,
И пусть поклонится ей трепетно
Меридианный шар земной.
За то, что та сумела выстоять
В огне, где плавилась броня,
За долю женскую, что истово
Тянулась к жизни из огня.
Те пули с гильзами немецкими
Из-за отсутствия гвоздей
Вбивались в избы деревенские
Заклятьем будущих смертей.
И вот дошла она, калечная,
(Нам ей бы орден попросить!),
С свинцовой тяжестью извечною,
Как доля женщин на Руси.
Касаюсь сплава монолитного,
Впервые кланяясь свинцу.
...А, может, пуля, в стену вбитая,
И сохранила жизнь отцу?

ЧАСОВЫЕ ЛИСКИНСКОГО НЕБА

Память — она как свеча. Не успеешь вовремя к ее свету — погаснет, догорев, навсегда унося в лету бесценные свидетельства людей, причастных к событиям, судьбам, фактам истории.

Фронтовика Павла Филимонова, оборонавшего Лиски в годы Великой Отечественной войны, мне удалось отыскать в Москве. Крепкий памятью, он поделился тем, без чего история лискинского Придонья была бы точно неполной. Воспоминания лейтенанта-зенитчика не только оживляют драму военного

лихолетья, но и убедительно объясняют звание города воинской доблести, присвоенное Лискам за воинский подвиг.

— Обычно на дальних подступах к мосту через Дон и к станции Лиски «Юнкерсы» летали на высоте 3–4 километра, — начинает неспешный рассказ Павел Яковлевич. — Но, приближаясь к объектам и опасаясь быть сбитыми, летчики увеличивали потолок до 5 километров. Подходили они всегда с запада, а уцелевшие туда же и улетали. В конце марта стало очевидно, что немцы и впредь будут наращивать мощь воздушных атак на мост и станцию. А для их отражения двух прожекторных рот было явно недостаточно. Поэтому в апреле в Лиски из 40-го зенитно-пулеметного полка была передана прожекторная рота под командованием младшего лейтенанта Козырева Василия Михайловича. Из трех прожекторных рот был сформирован 15-й отдельный зенитно-прожекторный батальон (в/ч-33939), командовать которым был назначен майор Михаил Иванович Загрядский. Заместителем комбата стал старший лейтенант Виталий Сергеевич Якимук, зам. по тылу — интендант Клейман, командир отделения связи — Попов. Начальником штаба вновь сформированного батальона назначили меня.

В первую очередь, мы сократили расстояние между прожекторными станциями до 3-х километров, увеличили глубину и ширину светового поля прожекторов, что позволило освещать и сопровождать до 15-ти немецких самолетов одновременно. Зенитчики, таким образом, получили дополнительное время готовности и возможность сбивать самолеты прямой наводкой. И уже редкие самолеты вырывались из цепких лучей прожекторов, меняя курс, высоту и резко ныряя в пики. Стали нередкими случаями, когда ослепленные нашими лучами немецкие летчики теряли ориентацию в пространстве, и самолеты врезались в землю. Все чаще летчики избавлялись от бомб еще на подлете к Лискам и, не выполнив задания, на большой скорости удирали на запад.

Любопытен и такой факт: к 1943 году немцы уже потеряли господство в воздухе на Воронежском фронте из-за значительных потерь. Ведь только за июль-декабрь 1942-го войсками Сталинградского корпусного района ПВО было сбито более 600 немецких самолетов. В связи с этим гитлеровцы стали призывать в «Люфтваффе» молодежь. При обороне моста и Лисок мы все чаще стали наблюдать, как молодые, видимо, немецкие летчики, увидев лучи прожекторов, сбрасывали бомбы в поле и резко ложился на обратный курс. Более опытные немецкие «асы» подходили к городу с выключенными бортовыми огнями и даже моторами, планировали, словно призрак, пытаясь парализовать действия наших прожектористов и зенитчиков. Но и такая хитрость немцев не прошла: через одну-две минуты поиска наши бойцы «захватывали» самолет прожекторными «клещами», и зенитчики расстреливали его прямой наводкой.

В мае весь месяц не хватало продуктов. Из крупы — одно пшено. Не было и соли. Женщины пережили это нормально, мужчины — не очень. Однажды позвонили из штаба дивизии и сообщили, что вверх по Дону от Лисок расположился только что прибывший полк наших ночных бомбардировщиков, и для координации совместных действий необходимо установить с ним связь. Поехал я. В небольшом аэродромном помещении застаю одних женщин-летчиц. Прошу провести меня к командиру полка. «Я командир», — отвечает одна из них. И представляется: «Марина Раскова». Так я познакомился, как потом оказалось, с женщиной-легендой. Летчицы ее полка летали на маленьких двукрылых самолетах ночью, сбрасывали бомбы низко над землей. Немецкие истребители даже не пытались их атаковать, так как на малых высотах сами боялись врезаться в землю. ...Вскоре женский бомбардировочный полк сменил место дислокации, и я до сих пор жалею, что моя встреча с этими замечательными женщинами была единственной.

Крепко запомнились мне день и ночь 16 июня. Утром позвонили из штаба дивизии и сообщили, что к нам выехал проверяющий, пожилой подполковник. Комбат поручил мне сопроводить его в расположение батальона. Проверяющий смотрел на все глазами армейских уставов внутренней и караульной службы, нудно делал замечания, записывая их в блокнот: винтовки не в пирамидах, противогазы в разных местах, в землянке связистов — неуставная кровать... На ночь подполковник-штабист остался в батальоне, желая посмотреть нашу работу в условиях боя. Фашисты же в эту короткую летнюю ночь, решив, видимо, взять реванш за предыдущие неудачи, бросили на мост и станцию целую армаду тяжелых бомбардировщиков. Волнообразно, эшелонами по 25–30 самолетов, с перерывами в 15–20 минут рвались они к цели, забрасывая нас бомбами. В этот жестокий по своей напряженности пятничасовой бой, показавшийся нам всем вечностью, я находился на КП батальона, руководил действиями прожектористов. Штаб наш, КП и наблюдательный пост, если ехать из Воронежа, находились правее станции Лиски, на возвышении. Воздух в ту жуткую ночь, как никогда, раздирали вой моторов и взрывы бомб. От мечущихся лучей прожекторов небо превратилось в сплошное полыхающее зарево. В конюшне недалеко от нашего КП находилось с полсотни лошадей: ох, как надрывно они ржали, пока не вырвались из разбитых ворот! А люди толпами, с криками бежали из города в безлюдный район, минуя станцию.

Во время налетов я находился в небольшом окопе, из которого был хороший обзор ночного неба над станцией и мостом. Лейтенант Попов организовал связь с ротными КП таким образом, что я мог говорить с одним ротным, а мог и так, что меня слушали одновременно все командиры рот. Такая связь обеспечивала оперативность управления боем. В перерыве между налетами забежал в землянку связистов. Увидев меня, девушка-телефонистка спросила: «Това-

рищ старший лейтенант, где ваша звездочка?» Трогаю пилотку — а звездочки на ней нет. Чуть позже обнаружил ее в окопе рядом с острым, как бритва, осколком бомбы. От связистов же и узнал: во время боя подполковник-проверяющий забился под кровать, — ту самую, которая неуставная... А утром, уезжая, проронил мне, не поднимая глаз: «У вас все хорошо — я так и доложу...»

Во второй половине той ночи внезапно прервалась связь с КП рот на правом берегу Дона. Связист Гапешина добровольно вызвалась восстановить ее. Зажав концы телефонного провода зубами, под ливнем осколков и водяными столбами от разрывов бомб доползла по мосту до обрыва кабеля и восстановила связь. В том бою мы осветили прожекторами 38 немецких самолетов, многих сбили, некоторые ушли подбитыми из зоны обстрела, а 10 самолетов сбросили бомбы, не долетев до цели. К сожалению, 4 наших прожектора прекратили освещение раньше окончания боя — не хватило бензина. В донесении о налете я тогда написал: «Бензин для прожектористов так же необходим, как снаряды для артиллеристов».

После боя обошел все наши позиции. Прямых попаданий в прожекторные станции не было. Мост стоял без повреждений, но вокруг зияли воронки от больших бомб. Некоторые зенитные установки, что ближе к мосту, были до неузнаваемости искорежены. От девчонок-пулеметчиц — лишь фрагменты тел, разбросанные взрывными волнами. За их мужество памятник бы им у того лискинского моста над Доном поставить...

После той ночи массивированных налетов больше не было. Днем прилетали 1–2 разведчика, а за ними небольшие группы бомбардировщиков. Но однажды в сумерки пост воздушного наблюдения, оповещения и связи доложил с правого берега: «Слышен шум мотора, азимут 15, угол 0 (шум наземный. — Н.К.)». Минут через пять над рекой, едва не касаясь воды, возник бомбардировщик. Над мостом резко рванул вверх

и сбросил бомбу-«пятисотку», угодившую точно в мост. К счастью командира артполка и моему лично (я был ответственным дежурным), бомба не взорвалась, а своей тяжестью проломилла мост и нарушила временные опоры. Немецкий летчик, оказалось, пошел на хитрость: севернее Лисок опустил вниз и летел незамеченным вровень с берегами Дона — потому пост и показал наземную цель...

Примерно через час на КП позвонили из Ставки. Выслушав доклад командира полка, приказали: «Чтоб к утру переправа работала». Саперы приказ выполнили за ночь, соорудив из шпал временные опоры. Поезда пошли на тихом ходу. А у командира полка волосы за ту ночь седыми стали — ведь его и меня могли расстрелять как допустивших прорыв бомбардировщика к стратегически важному объекту. К такому приказу были готовы и два офицера «Смерш» при нашем полку. Вот и верь после этого, что Сталин руководил войсками по глобусу. Нет, в Ставке знали о каждом событии на всех фронтовых направлениях. А я за войну усвоил неписанный закон штабиста — вовремя и грамотно отписаться: ведь за датами донесений следили строже, чем за их содержанием.

...В мае 1943 года наш батальон передели из Воронежского фронта в состав Западного.

ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ «АБРАМКИ»

«Абрамка» — так с давних времен называли старожилы села Лиски огромный лог со звонкоголосой криницей, подступающий к селу с поля.

Живность домашнюю сельяне здесь пасли, водою ключевою в пору знойную радовала лисян «Абрамка». В зарослях черемухи да терновника соловьи — птахи любви — молодую кровь тревожили. И не думал не гадал люд сельский, что в лето 1942 года не соловьиной трелью наполнится до самых краев «Абрамка», а пулеметными очередями, гарью поро-

Память об «Абрамке» длится в поколениях

ховой да предсмертными криками женщин, стариков и детишек, которые еще недавно радовались тут беспечному говорку ручейка, истекавшего из криницы...

...Июль 1942-го. Немецкие танки под гогот спешащей за ними пехоты, прорав оборону у Острогожска и Коротоюка, уткнулись хищными стволами в правый берег Дона за окраинными улочками сел Лиски и Залужное. Не удалось фашистам с ходу взять непокорную станцию Лиски и город с говорящим именем Свобода при ней. И тогда объявили они села Лиски и Залужное прифронтальной зоной. Прифронтальная — значит безлюдная...

Из воспоминаний Алексея Синельникова — бывшего партизанского «орленка»-связного: «Двенадцать лет мне в то лето было. В конце июля вслед за немецкими мотоциклистами пошли по улицам их автоматчики. Из домов женщин с детками малыми да немощных стариков выгоняют, прикладами в колонну заталкивают. Погнали через Никольскую гору на дорогу, ведущую в Ковалево. По бокам — всадники на огромных лошадях. Плач над колонной

стоит, пыль и жара несусветные. Некоторые женщины кинулись из Никольского родника воды детишкам набрать, так изверги автоматными очередями их остановили. Воду по дороге пили из копытных следов, оставшихся на обочине. К сумеркам втянулась изможденная вереница в Ковалево. Согнали немцы нас в кучу на площади — здесь ночевать будете. Женщины, кто помоложе, засобирались в село наше вернуться, чтобы еды и одежду детям прихватить: к утру надеялись обернуться. Пошла с ними и наша соседка, тетя Маруся. Она уже на сносях была, вот-вот родить должна. Но никто из женщин так и не вернулся к утру. Прибежали плачущие детишки, рассказали, что всех их в «Абрамке» расстреляли немцы. И тетю Марусю тоже. А из ямы расстрельной крик ребенка родившегося они слышали...»

...Ольга Дмитриевна Тютюнникова, сидя на крыльце, вязала шерстяные варежки, когда услышала с улицы плач сыночка Василия. Рослый мадьяр, схватив ребенка, тащил его к «Абрамке», снимая с плеча винтовку. Бросившись на крик, женщина стала умолять изверга обменять сына на варежки. Так те

спасительные варежки и лишили «Абрамку» возможности пополниться еще одной невинной жертвой...

Учительница Лисянской СОШ Татьяна Закопелникова, которая вместе с мамой Верой Николаевной Стародубцевой занималась расследованием трагедий «Абрамки», рассказала и такие драматические эпизоды:

— Нашей землячке Марии Сергеевне Милькиной было в ту пору 16 лет, когда она вместе с мамой и другими женщинами и детьми вернулись в Лиски из Ковалево, чтобы взять провианта и одежду. Мадьяры всех арестовали и повели в «Абрамку», заставили копать яму. Сначала расстреляли женщин. Потом на край расстрельной ямы поставили и семерых детишек вместе с Машей. Но начался обстрел, и расстрелять детей изверги не успели. На ночь закрыли в хате, а утром выдали пропуска и заставили вернуться в Ковалево. Не успели детишки отбежать за околицу, как по ним открыли огонь из пулеметов. Слава Богу, никого не убили. А Маша Милькина, оставшись без мамы, одна воспитывала пятерых своих сестричек и братиков...

Другой землячке, Евдокии Жижелевой, 3 августа 1942-го было четыре годика. Мама пришла с ней в село и, оставив ребенка у железнодорожной насыпи, направилась в избу, чтобы взять картошки. Мадьяры схватили ее и тоже расстреляли в «Абрамке». Девочка росла одна, потом уехала на Украину. В прошлом году группа учителей Лискинской школы по приглашению земляка, владыки Арсения, гостила в Святогорске, посещала Святогорскую Свято-Успенскую Лавру. И неожиданно встретили там Евдокию Савичну Жижелеву, которая, невесть как узнав о приехавших сюда земляках, пришла встретиться с ними и передала им всю свою пенсию, чтобы в Лавре помянули ее расстрелянную в «Абрамке» маму и всех лисянских детей и женщин.

А недавно стараниями владыки Арсения расстрельное место в «Абрамке» превратилось в величественный мемориал памяти об убиенных земляках.

— Черный облицовочный мрамор, — рассказывает настоятель местного храма отец Андрей, — привозили из Украины. Селяне, узнав, что здесь возводятся памятник расстрелянным жителям Лисок, сами приходили и предлагали свою помощь. Очень хорошо помогли техникой и материалами специалисты компании «ЭкоНива» при прокладке в «Абрамку» дороги и возведении каменной часовни, которую возводили рядом с родником мастера из Лавры.

Светит теперь мемориал в «Абрамке» ликами и именами расстрелянных. С черного мрамора скорби слезами черными стекают капли росы. К благородству душ наших и к совестливой памяти зывают лики и поименные строчки. Идут сюда люди, и добро с добром встречается в «Абрамке».

...Узнал о расстрельном яре столичный учитель с лискинскими родовыми корнями Виктор Кучерявенко. Вместе со своими московскими школьниками выковал из нержавеющей стали памятник-символ для похороненных в «Абрамке». «Древом жизни» его нарек. Девяносто листочков-свечек в его ветвях — пока столько имен убитых назвала «Абрамка». Но не всех еще назвала. И надломленная веточка с нераспустившимся бутонем на скорбном древе символизирует оборванную жизнь только что народившегося младенца. В корнях дерева корчится фашистская свастика — жизнь сильнее смерти оказалась...

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

В Лискинскую администрацию из далекой Карачаево-Черкесии пришло не совсем обычное письмо.

Руководитель поисково-исторического клуба «Курджиново» Евгений Деренский сообщал о том, что поисковики клуба готовят к печати каталог бронетанковой техники, установленной в качестве памятников на территории России, Украины, Беларуси, Польши. «За последние годы, — сообщал автор письма, — в разных издательствах

вышло из печати свыше 10 монографий, посвященных танку ИС-2. Но ни в одном из этих изданий не было фотографии танка-памятника ИС-2 в городе Лиски. Между тем, это редчайший образец. Танков такой модификации сохраняется в мире всего около 40 единиц (для сравнения: ИС-3 — около 150, Т-34 — свыше 400 единиц). Ваш уникальный танк-памятник неизвестно почему оказался в глубокой информационной тени, как будто его и не существует». В связи с этим руководитель поисковиков просил прислать для публикации в готовящемся каталоге фотографии танка-памятника ИС-2, установленного в Лисках.

Заинтересовавшись идеей карачаевочеркесских поисковиков, я решил узнать историю появления этого танка на постаменте рядом со зданием военкомата на улице Маршала Жукова. Откуда он? Как появился в Лисках? Какие события военного лихолетья увековечивает? Однако ни в историко-краеведческом музее, ни у местных краеведов, ни в самом горрайвоенкомате никаких сведений о танке-памятнике найти не удалось. Скромная табличка на постаменте, полуприкрытая букетом живых цветов, напоминала: «Воинам 18-го стрелкового корпуса, освобождавшим Лискинскую землю. 1941—1945 гг.». И все. Неожиданно направление поиска подсказал один из офицеров военкомата, посоветовав отыскать бывшего военкома, а ныне полковника в отставке Илью Мелашенко. Мол, его инициатива и старания.

История, рассказанная Ильей Яковлевичем, поразила своей необычностью.

— На втором году моего комиссарства, зимой 1987-го, мне позвонили из совхоза «Вторая Пятилетка». Звонивший, не представившись, с ходу огорошил: «Товарищ комиссар! Тут у нас железнодорожники двигатель с танка просят. Можно ли его им отдать?». — «Какой двигатель? С какого танка?» — не понимая, о чем речь, переспрашиваю у звонившего. «Так у нас тут, в совхозе, танк в сарае стоит: ИС-2». Опешив от

такого известия, прошу ничего не трогать и по «вертушке» связываюсь с облвоенкомом. Тот, не менее удивленный, приказывает узнать подробнее и доложить.

Через полчаса полковник Мелашенко с волнением открывал покосившуюся дверь старого, но еще крепкого сарая, приютившегося на задворках совхозного машинного двора. Мысленно он уже представлял себе груды проржавевшего железа, подобранного, вероятно, когда-то на полях войны, но так и не востребованного для нужд хозяйства. Какое же было его удивление, когда в тесноте сарая увидел он целехонькую громаду боевой машины, подпиравшую мощным пушечным стволом обветшалую крышу. Толстый слой пыли и разводы ржавчины на броне только усиливали впечатление величавой мощи. Казалось, танк только что выскочил из жестокого боя и затаился в укрытии на краю села, готовый вновь отразить любые атаки. ИС-2 («Иосиф Сталин») — самый мощный танк Второй мировой войны! 120-миллиметровая пушка с нарезным стволом, мощная лобовая и боковая броня делали 46-тонную громаду, развивающую скорость до 40 километров в час, практически неуязвимой не только в обороне, но и в наступательном бою. Это от него панически шарахались хваленые немецкие «тигры» и «пантеры», когда гитлеровские танкисты, увидев в бою силуэт ИСа, в ужасе орали в шлемофоны: «Achtung! Achtung! Stalin!..»

Внимательно осмотрев танк, военком поразился еще не раз. В комплекте боевой машины отсутствовали лишь четыре вещи: аккумулятор, оптика, зенитный пулемет и боекомплект. В остальном же, казалось, что танку лишь вчера заглушили двигатель: даже уровень масла в картере соответствовал норме. Ключ на стартер и — вперед! Но больше всего удивляло неведомое: как стоящий на вооружении танк (официально снят с вооружения лишь в 1992 году) оказался в полузабытом колхозном сарае? Из скупых воспоминаний старужи-

лов и руководства совхоза удалось узнать не менее удивительную историю.

...В 1946-м послевоенном году тогдашний директор передового лискинского совхоза позволил себе отдохнуть по путевке в одной из южных здравниц страны. Соседом в санаторном номере оказался боевой генерал, командовавший одним из арсеналов Бронетанкового управления Министерства обороны СССР. За бокалом доброго грузинского вина хозяйственный директор посетовал на послевоенную разруху, на острую нехватку тягловой силы, ударную основу которой составлял десяток старых быков да два отживших свой век «Универсала». Поднимая бокал за нерушимое единство армии и народа, директор то ли в шутку, то ли всерьез попросил: дескать, подсобили б, товарищ генерал, тягловой силой — мы бы не только область, а всю страну трудовыми подвигами прославили.

Закончился курортный срок, и оба командира — военный и колхозный — разъехались каждый по своим службам. Так бы со временем и забыли о мимолетном знакомстве, если бы... Если бы через пару месяцев на стол совхозного руководителя не легло уведомление, согласно которому совхозу предписывалось в такие-то сроки раскредитовать и получить пришедший в его адрес груз, поименованный «танк ИС-2». Железнодорожная платформа с грузом стояла в тупике станции Бодеево. Схватив бумагу с гербами и печатями, ошалевший совхозный глава уже через десять минут недоверчиво гладил лоснящуюся броню танка в аккуратных заплатках и вмятинах на боках орудийной башни. Оказывается, его армейский сосед по санаторному номеру умел ценить не только доброе вино, но и твердое слово.

А дальше неизвестно: то ли в совхозе не нашлось знающих специалистов, то ли директор, сам недавний фронтовик, пожалел боевого «коня» и не стал унижать его хомутом нелегкой колхозной жизни. Да только простоял танк сорок один год целехоньким, заботливо спрятанный от непогоды и лишних глаз в

колхозном сарае-ангаре. Видно, ему, выжившему в жестоких боях великой войны, судьбой предназначено было стать ее памятником — символом нашей Победы.

...Возвращаясь в Лиски из совхоза, мудрый военком уже знал дальнейшую судьбу ИС-2. Приближалась годовщина освобождения района от немецко-фашистских захватчиков. Основной ударной силой на придонских плацдармах был 18-й стрелковый корпус, в составе которого таранили немецкую оборону и приданные ему ИС-2. Увековечить их подвиг на Дону — вот последнее боевое задание, которое должен выполнить этот танк.

— На следующий день, — продолжает рассказ Илья Яковлевич, — подобрали по картотеке всех состоявших в запасе механиков-водителей, служивших в армии именно на этих машинах, и вместе со старшим офицером доставили в совхоз. Специальные танковые аккумуляторы нигде достать не удалось. Попытались завести танк с буксира, но два мощных К-700 становились на дыбы и не смогли даже с места стронуть громадину. Тогда кто-то из механиков-запасников вспомнил, что двигатель такой модификации можно запускать сжатым воздухом. Привезли несколько баллонов, подсоединили к системе. Пуск — и двигатель, пыхнув соляровым дымом, загудел мощно и ровно. Встречать оживший танк я выехал за сельскую околицу. Что это было за зрелище! По снежному полю уверенно, как в бой, шла грозная боевая машина, взвихривая за собою снежную пыль. На стальной броне гроздьями висел смешанный десант чумазых и счастливых механиков и деревенских пацанов. Их протяжное ликующее «ура!» звенело сквозь шум танкового двигателя... Метрах в двухстах от военкомата танк замер — в баке закончилась солярка. Пока ее искали, окрестная детвора так объездила броню, что до блеска вытерла с нее всю ржавчину: крась — и на пьедестал. Тогдашний председатель райисполкома Виктор Петрович Матвеев идею танка на пьеде-

стале всецело поддержал. Варианты места его установки даже не предлагались: здесь, у военкомата, на улице Маршала Жукова и решено было оставить танк-памятник ИС-2. Так, выполняя свое последнее задание, и въехал он на постамент, чтобы стать вечной памятью о танкистах, сражавшихся за Лискинскую землю.

РУКОПИСЬ, ПРИШЕДШАЯ С ВОЙНЫ

У книг, будто у людей, свои судьбы. Одни, легко родившись, глянцево поблескивают на книжных развалах. Другие... Другие и рождаются трудно, и к читателям идут долгой дорогой. У рукописи, неожиданно попавшей ко мне, как и у ее автора, судьба вообще особенная.

Первые ее строчки появились 76 лет назад, когда лавина фронта прикатилась летом 42-го к донским лискинским берегам и накрыла собою старинное русское село Сторожевое. Подмяла, прошлась кованым немецким сапогом по детству и судьбе сторожевской девочки-семиклассницы Дуси Курьяновой и ее сверстников. Дуся не вела дневников. Но война выжгла строчки ее будущей книги по живому, без черновиков и оставила их до поры в прямо в сердце девочки.

Это уже потом, в начале 1980-х, учительница русского языка и литературы Дракинской средней школы Евдокия Ивановна Кондратьева напишет: «У меня возникло вдруг ощущение, что я обязательно должна рассказать людям о своих земляках, о своем родном селе, о его истории, порой драматической и даже трагической. В сердце и душе накопилось очень много...» Более 10 лет рождалась 500-страничная книга о Сторожевом и его людях. Увы! Автора уже нет в живых, но написанное Е. Кондратьевой дошло до нас как память, как документ, как завещание одного поколения другому.

После смерти Евдокии Ивановны в

1993 году рукопись хранилась в семье ее сына Анатолия, потом ее изданием занималась дочь Кондратьевой — Надежда Федоровна Сморчкова. Дело двигалось очень трудно и малоперспективно. К сожалению, в нынешнее время настающие боль и кровь, как и пережитая, непридуманная история у нас мало востребованы — куда зрелищнее кровь бутанфорская, киношная — и стоит дешевле, и память не обременяет. Но вчитываясь в эти правдивые строки и понимаешь их великое значение. К примеру, о Сторожевском плацдарме и его роли в Острогожско-Россошанской операции написано уже немало. Но до сих пор никто еще так достоверно не смог рассказать о том, что творилось там, за этим придонским пяточком русской земли на стыке жизни и ада — в селе Сторожевом и дальше — под немцами, в оккупации. Это смогла сделать Е.И. Кондратьева. Это не повесть, не роман, не дневник и не мемуары. Это пронзительная исповедь детской памяти, израненной войной. И у нее, этой памяти, нет избирательности — она до невыносимого предела впитала в себя все то, что смогли увидеть глаза ужаснувшегося войной подростка-подранка. И сочтется эта боль, не заглушенная временем, по строчкам и страницам рукописи-памяти: «Когда разгорелись бои в Сторожевом, на крайней улице из окопа в саду со страхом и любопытством выглядывали четверо детей. Пробегавший мимо немец с тупым злорадством швырнул в окоп гранату. Взрыв заглушил крики ужаса...»

Ведет, ведет девочка-подросток читателя по страшным дорогам оккупации. Изо дня в день ведет. Ведет к своим униженным, но не вставшим на колени землякам-односельчанам. Смотри, читатель, запоминай: «Старая женщина в черном возится на своем подворье. Заметив ее, подошел пожилой венгр и поманил на соседнюю улицу. Там в одной из уцелевших хат прямо на земляном полу на большой грязной перине лежала чудовищно неухоженная, раненная в обе ноги шестилетняя девочка. По

телу ребенка ползали черви, они облепили грязные бинты на запущенных ранах... Федосья Васильевна Деева наклонилась к раненой. Изможденное личико заулыбалось, радостно засветились запавшие от худобы глаза. Девочка заговорила: «Тетя, возьми меня с собой...»

Ужас увиденного и рассказанного Дусей Курьяновой, как бикфордов шнур, тянется из наших дней в окаянные годы военного лихолетья. И бежит, бежит по этому шнуру огонек памяти. И взрывается не такое уж далекое прошлое страшной своей обнаженностью: «Когда оккупанты начали выгонять жителей из села, бедная мать не знала, что ей делать. Надо было выбирать: или раненная в ноги Настя одна погибнет здесь, или Калинины пропадут здесь все. Дождавшись, пока девочка уснула, женщина долго глядела на нее, потом поправила постель, поставила у изголовья кувшин с молоком и краюшку хлеба и, обливаясь слезами, поплелась на запад. На руках у нее свой грудной ребенок, рядом семенили двое малышей. Надо было спасти их...»

Но, несмотря на ужасы войны, от этих страниц все же веет добрым теплом и светом, любовью и состраданием. К своей семье, к односельчанам, к своей Родине, большой и малой. Наверное, это и есть тот самый негромкий патриотизм, которого всем нам сегодня так не хватает. «Жутко в опустевшем Сторожевом. Поля наши перепоясаны траппеями, проволочными заграждениями. Высятся накаты блиндажей и дзотов. Высокой травой поросли дороги и тро-

пинки в селе. Пахнет дымом и гарью. В садах на обожженных деревьях дозревали яблоки, груши, темнели черносливы... На Сторожевском плацдарме сражались с гитлеровцами два наших земляка, два тезки, два Каширина Ивана Филипповича. Один из них пропал без вести. До родных дошло его последнее письмо: «Стрелял в родное село. Это очень больно...» Второй — разведчик Ванька, по уличному прозвищу Бодыль. В каждом освобожденном селе Иван спрашивал: «Нет ли здесь сторожевских людей?» Он искал своих родных: где-то затерялись мать и пять сестер. В хуторе Дракино Репьевского района Каширин нашел свою сестру — Екатерину Образцову. Она зимовала тут с маленькими детьми. Катя жадно смотрела в дорогое лицо рано поседевшего брата и плакала от радости... А в соседнем селе Верховье в это же время седая женщина спрашивала у майора: «Где-то здесь мой сынок воюет...» Майор, узнав фамилию сына, удивленно смеется: «Вот не думал, что у такого героя-богатыря мать — обыкновенная женщина среднего роста. Не плачьте, маманя, если в Синих Липягах боя не будет, вы увидите сына». Но в бою за одно из сел на подступах к Синим Липягам автоматная очередь из-за угла разорвала могучее тело Ивана. Таким и запомнился он землякам: молодым, красивым, но седым».

Словно солдат с фронта, шла к нам рукопись этой книги долго и трудно. Но дошла-таки. И всегда поминают светлой памятью односельчане свою Дусю Курьянову. У такой памяти особое долготение.